

IV. ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ, ПОВЕДЕНЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ И ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ И ЭКСТРЕМИЗМА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

О. А. СЕЛИВАНОВА

Казалось бы, содержание психолого-педагогического аспекта профилактики интолерантности и экстремизма в молодежной среде не должно вызывать особых проблем. Фактически уже повсеместно признанным антиподом экстремизма является толерантность как вектор отношения к миру и характеристика поведения человека. В отечественной образовательной практике на всех ее уровнях данный термин активно включается в разнообразные программы и подпрограммы воспитания молодого поколения.

Но вот проблема, о которой предпочитают не упоминать: содержательная определенность понятия «толерантность» по-прежнему актуальна, и сегодня актуальна, может быть, гораздо более, чем еще несколько лет назад. Смысловая дифференциация этого понятия не столько важна сама по себе, сколько необходима для субъектов организации воспитательно-профилактической деятельности: не странно ли, что мы пытаемся воспитать и развить в детях, подростках и молодежи качество, в содержании которого до сих пор нет конкретики и определенности? В этом случае, что же мы, собственно, пытаемся воспитывать и развивать?

Как отмечает М. П. Мчедлов [1], в переведенных на русский язык международных правовых документах (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ) вплоть до 2002 г. термин «толерантность» не звучал — вместо него использовалось слово «терпимость». Таким образом, данное понятие активно включено в контекст социального взаимодействия нашей страны всего лишь каких-то десять лет. Период не просто небольшой — мизерный в культурно-историческом плане. С точки зрения юридической, социальной и даже психологической это, вероятнее всего, не принципиально. Однако с точки зрения педагогической — принципиально значимо: воспитательный и профилактический процесс взаимодействия как с отдельно взятой личностью, так и с группой не может опираться на терминологический симулякр (*симулякр — знак, предельно обособленный от реалий и живущий обособленной жизнью; звучащая оболочка без смысла — авт.*) в качестве смысловой цели. Педагог не только должен представлять непосредственный смысл понятия, отражающего целевую направ-

ленность его действий, но и иметь возможность провести аналогию отраженности и представленности указанного понятия в культурных источниках, ценностях, исторических событиях, примерах поведения и в других аспектах наследия конкретной культуры, чтобы стал возможен воспитывающий диалог с ребенком или молодым человеком, возможно стало проектировать и воссоздавать воспитывающие и иные ситуации, давать понятную воспитуемому оценку осуществленных им действий в понятной для него системе нравственно-моральных координат и пр. и пр.

Все эти задачи оказываются практически неразрешимы, если мы начинаем говорить о понятии «толерантность». Достаточно привести ряд попыток определения толерантности в современной научной литературе: «...толерантность: не равносильна безразличию, не означает принятия иного мировоззрения или образа жизни, не подразумевает уступку, снисхождение или потворство, не означает терпимости к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений или уступки чужим убеждениям, а также навязывания своих убеждений другим людям, не должна предоставлять другим права быть нетолерантными...» [2]. С научной точки зрения — небезуспешная попытка определить пространство бытия термина, с точки зрения педагогической практики — пустое пространство, состоящее из потенциальных ограничительно-запретных действий и не имеющее потенциала содержательного, позволяющего ответить на простой вопрос: что делать человеку, чтобы быть толерантным? Своеобразной вершиной признания неспособности вычленить конструктивные элементы понятия толерантность может служить фраза из одной научной (!) статьи: «Если само понятие толерантности и может вызывать разногласия при его интерпретации, то необходимость действовать с позиций толерантности разногласий не вызывает» [3].

Еще одним следствием смысловой недифференцированности понятия «толерантность» в русскоязычном пространстве является попытка пояснить его через совокупность известных понятий. Ученые, занимающиеся изучением лингвистических аспектов бытования данного термина на почве нашего языка, заметили две тревожные тенденции.

Во-первых, «толерантность» / «интолерантность» незаметно подменили собой целый ряд понятий и терминов, которые ранее активно использовались в пространстве социального взаимодействия для характеристики вариантов поведения и взаимоотношений между людьми. «Прежде мы задумались бы, оценивая ситуацию, что перед нами: вызов, грубость, невоспитанность, распущенность, защита, неуверенность, отчаяние, упрямство... Теперь с легкостью скажем — нетолерантен. Раньше бы поразмышляли, как реагировать, проявить непреклонность или уступчивость, сочувствие, милосердие, терпение, дать отпор, поддержать, снизить или сделать вид, что не заметили? Новый язык подсказывает: быть толерантным. В последние годы все возможные оттенки чувств и поступков оказались буквально сметены толерантностью» [3]. В педагогическом контексте это чрезвычайно принципиально: мы пытаемся оценить поведение молодого человека (например, грубость / не грубость) независимо, забывая, что эти понятия отражают весьма различный смысл в разных гендерных, социальных, религиозных, культурных контекстах, что

зачастую приводит к неадекватности реакции педагога на наблюдаемый им факт проблемных взаимоотношений. Что же говорить о паре «толерантно / нетолерантно», сам смысл составляющих которой на данный момент до конца не ясен?

Во-вторых, в течение столетия и более в русскоязычных словарях самого различного характера (от Ожегова и Ушакова до словаря иностранных слов) ключевым понятием, через которое пояснялся термин «толерантность», являлось понятие «терпимость», обладающее несколько иной смысловой нагрузкой в русском языке, в отличие от латинизированных источников, а именно — не воспроизводство действий по отношению к субъекту или явлению в случае, если они тебя не устраивают, раздражают и пр.

Так, по словарю Ушакова: ТЕРПИМОСТЬ — 1. Отвлеч. сущ. к терпимый, т. е. такой, что можно терпеть, с которым можно мириться. *Терпимые условия*. 2. Свойство, умение терпимо относиться к чему-нибудь, терпеть что-нибудь. *Религиозная терпимость. Терпимость к чужим мнениям. Преступная терпимость к врагам; дом терпимости* (перевод фр. *maison de tolerance* — публичный дом).

Многие чувствуют данное внутреннее противоречие и пытаются его всячески нивелировать, описать толерантность как нечто активное по своей сути (например, как «готовность не препятствовать убеждениям, позициям или действиям других, несмотря на отсутствие симпатии или даже неприязнь к ним» (политический словарь) и пр. Тем не менее, длительность функционирования в языковом пространстве термина «терпение» в смысле преодоления, сдерживания себя в ситуации, которая в силу определенных причин человека не устраивает, значительно превышает краткий период попыток внести в значение данного слова смыслы, не бывшие для него характерным еще пару десятилетий назад.

Таким образом, «толерантность», определяемая через термин «терпимость» (толерантность, от лат. *Tolerantia* — терпение — термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям») фактически неосознанно воспринимается русскоязычным населением нашей страны (независимо от национальной принадлежности) как «терпение» и, соответственно, «сдерживание себя», «ничегонеделанье вонне и вокруг себя». Это понимание весьма близко к поведенческой модели «вытеснения события», «исключенности из ситуации», «равнодушия» и пр. Факты же окружающей действительности, связанные с проявлениями экстремизма (особенно яркими его проявлениями — терроризмом и пр.) настолько эмоционально окрашены, что противоречат самой идее безразличного отношения к ним. Складывается своеобразный парадокс: связанная пара понятий «экстремизм» и «толерантность» оказываются вовсе не антиподами друг друга, а взаимообуславливающими феноменами. Это позволяет сделать шокирующий, на первый взгляд, вывод: *чем больше проявляется активность по насаждению модели толерантного поведения в российском обществе, в том числе и среди молодежи, тем выше будет уровень протестного поведения людей на принятие этой модели и тем выше уровень интолерантности и экстремизма, если не предпринять целый ряд предупредительных мер.* Кстати, факты

последнего десятилетия в российском обществе могут служить своеобразным доказательством данной закономерности: год от года экстремизм и интолерантность в обществе (даже на бытовом уровне) растут, растут параллельно с множасьими программами и концепциями борьбы с ними путем развития толерантного сознания и поведения.

В-третьих, в отличие от известных в отечественной культуре понятий (доброта, взаимопомощь, терпимость и пр.), которые за редчайшим исключением не мыслятся вне личности человека и его действий, толерантность в нашем языке приобрела «внеличностный» — не связанный с личностью, ее волей и желанием характер: «толерантность — интеллектуальный перевертыш, отвлеченное понятие, наделенное самостоятельным бытием» [4], он как бы существует в пространстве независимо ни от чего и ни от кого. Данный факт вновь напрямую связан с проблемой профилактики экстремизма: формировать конкретное поведение в человеке можно, формировать же отвлеченное, объективно существующее нечто — проблематично.

Все вышеприведенное делает возможным предположение: если мы хотим осуществлять не формальную, а реальную профилактику интолерантности и экстремизма, мы должны попытаться однозначно охарактеризовать данные понятия в реальных (имеющих научную, культурную и быденную конструктивную смысловую нагрузку) терминах. Данная конкретизация позволит, в свою очередь, вычленить поведенческие и личностные характеристики — антиподы ключевых структурно-содержательных компонентов понятий «экстремизм» / «интолерантность» и поименовать их терминами, обладающими культурно-исторической смысловой нагрузкой в пространстве народностей, населяющих Российскую Федерацию.

Попытаемся продемонстрировать это на примере. Проведенный анализ позволяет вычленить ключевые содержательные компоненты понятия «экстремизм» (рис. 1). Следует оговориться, при желании возможно расширение перечня составляющих элементов, наша задача в данном случае — лишь охарактеризовать принцип построения содержания профилактических мероприятий.

Рис. 1

В качестве противовеса агрессивности, в нашем примере, может быть приведена «добродетель» как «проявление искренних, добрых чувств по отношению к кому или чему-либо; ласковое, участливое, заботливое отношение к людям». В качестве противовеса ксенофобии — проявление искреннего интереса к окружающему человека миру.

Два названных качества без особых проблем возможно атрибутировать на усмотрение педагога любым количеством информационного обеспечения (легенды, притчи, картины, фильмы, книги, примеры известных людей, примеры из повседневной жизни и т. д.). Причем, эта атрибуция легко может быть индивидуализирована не только с позиции педагога, но и с позиции воспитанника: в качестве примера проявления данного качества может быть подобран пример, обладающий социальными, гендерными, культурными, религиозными и, если угодно, национальными характеристиками, близкими и понятными конкретному молодому человеку (проделать подобный «фокус» с качеством «толерантность», кстати, если и не невозможно вовсе, то весьма и весьма затруднительно). Более того, в распоряжении педагога — не только вся совокупность культурно-исторического богатства конкретного социального пространства, но и узко специализированные научные источники с рекомендациями по «развитию» того или иного качества и о механизмах данного процесса.

В названном контексте, с некоторой долей условности, даже самому феномену «экстремизм» возможно подыскать противовес: это не что иное, как «умеренность» — «способность человека с помощью разума преодолевать те влечения, которые препятствуют достижению блага». Понятия, составляющие приведенное определение («разумность», «преодоление» и т. д.), конкретизируемы не только в культурно-историческом, но и, что, может быть, не менее важно, в возрастном аспекте. Развивая умеренность в поведении с детского сада, мы сможем «получить» человека, который руководствуется идеями выгоды как для себя, так и, возможно, для других. Подобного рода позиция лишь в очень и очень ограниченном варианте ситуаций совместима с радикальными вариантами поведения. Кроме того, следует помнить, что профилактика любого варианта девиантного поведения, в том числе и экстремизма, не может и не должна ни в коем случае способствовать полному искоренению составляющих его компонентов: нельзя «победить» экстремизм, искореняя агрессию и ксенофобию в человеке, эти качества, каждое по-своему, полезны и нужны для адекватной и полноценной жизни. Важна их сбалансированность теми противовесами, которые придадут им самим конструктивность: так, тревожность от отсутствия информации — неплохой стимул проявить активность к ознакомлению с неизвестным и непонятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толерантность / под ред. М. П. Мчедловой. М., 2004.
2. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/p-main.shtml>

3. Никифорова Л. В. Толерантность — императив современной культуры? // Общество. Среда. Развитие = TERRA HUMANA. 2008. № 4. С. 101-113. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.terrahumana.ru
4. Малахов В. Зачем в России мультикультурализм // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ ИНТОЛЕРАНТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Л. В. ШАХТАРОВА

Как отмечено в Резолюции, принятой на 55-й сессии и Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г., «существенно важное значение для международных отношений в XXI в. будет иметь ряд фундаментальных ценностей. К ним относятся: — ТЕРПИМОСТЬ. При всем многообразии вероисповеданий, культур и языков люди должны уважать друг друга. Различия в рамках обществ и между обществами не должны ни пугать, ни служить поводом для преследований, а должны пестоваться в качестве ценнейшего достояния человечества. Следует активно поощрять культуру мира и диалог между всеми цивилизациями...».

В ст. 4 Резолюции «Воспитание» указано следующее:

4.1. Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости. Воспитание в духе толерантности начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав, и с поощрения стремления к защите прав других.

4.2. Воспитание в духе толерантности следует рассматривать в качестве безотлагательного императива; в связи с этим необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения толерантности, вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями.

4.3. Воспитание в духе толерантности должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

В ст. 6 «Международный день, посвященный толерантности» предусмотрено, что «в целях мобилизации общественности, привлечения внимания к опасностям, кроющимся в нетерпимости, и укрепления приверженности и активизации действий в поддержку поощрения толерантности и воспитания в ее духе мы торжественно провозглашаем 16 ноября ежегодно отмечаемым Международным днем, посвященным толерантности»